

Солнце клонилось к закату, сумерки сгущались, когда Линь Сю наконец покинул тело Фань Сюиня. Он стоял рядом, не зная, чья печаль терзает его сейчас больше — Фань Сюиня, Чи Цюняня или его собственная.

Картина сменилась. Фань Сюинь с окаменевшим лицом стоял на коленях перед могилой, и в его голосе сквозила нескрываемая, глубокая скорбь:

— Нянь-эр.

Линь Сю почувствовал, что что-то не так. Нянь-эр? Но ведь Чи Цюнянь жив, это всего лишь сон, это просто...

— Линь-эр, не стоит больше предаваться этим призрачным видениям. Чи Цюнянь мертв, он сорвался со скалы и сгинул навсегда, — раздался голос старого императора.

Фань Сюинь резко обернулся, его налитые кровью глаза впились в старика:

— Ты лжешь! Это неправда, Нянь-эр жив и здоров!

Следующее воспоминание — день всенародной скорби. Новый император не проправил и года, как слег с тяжелой болезнью и скончался.

Линь Сю снова стоял в облике духа перед гробом Фань Сюиня. Почти весь этот год он провел запертым в его теле и почти забыл, что находится в сновидении. Он не раз пытался уйти, чтобы навестить Чи Цюняня, но не мог покинуть тело Фань Сюиня, пока тот не умер.

Линь Сю погладил гроб, чувствуя бесконечную жалость. В оригинальном сюжете Чи Цюнянь, спасаясь от преследователей, упал со скалы. Думая, что это Фань Сюинь пытается его убить, он окончательно разочаровался и, инсценировав смерть, ушел к Чэнь Юю. На этом сюжет должен был закончиться, но история продолжилась, и Фань Сюинь скончался от тоски и недугов.

Дверь отворилась. Вошел старый император, а следом за ним — Чи Цюнянь, который должен был скрываться в лесах, с остекленевшим взглядом.

Линь Сю мгновенно понял, что задумал император. Он бросился вперед, пытаясь помешать, но никто не слышал его криков.

Старый император заговорил, и в его усталом голосе klokотал гнев:

— Чи Цюнянь! Хорош же ты! Я недооценил тебя. Еще давно старый даос предсказал, что мой сын погибнет от твоей руки. Мне не следовало слушать уговоры сына и оставлять тебя в живых — это в итоге погубило его.

Чи Цюнянь вскинул голову:

— О чем вы?

— О чем я? Ты правда не понимаешь или притворяешься? Я скажу тебе: трон был навязан Линь-эру силой. Раз уж пророчество гласило, что он умрет из-за тебя, я решил дать ему величайшую власть в мире, думая, что так он будет в безопасности. Но ты устроил скандал на его свадьбе, и я насторожился. Я хотел убить тебя, но Линь-эр помешал мне, сказав, что ты — вся его жизнь. Я пощадил тебя ради него. Думаешь, я не знал о слухах? Чэнь Юй — простолудин, как бы он мог на меня повлиять? Это были лишь оправдания Линь-эра. Он был одержим тобой, даже искал тебе пару, чтобы ты скорее забыл о своих чувствах. А что сделал ты?

Чи Цюнянь был близок к безумию:

— Ты лжешь! Это неправда! Те, кто нападал на нас...

— Чи Цюнянь, не переоценивай себя. Ты не стоил того, чтобы мой сын заказывал твое убийство. Он защищал тебя до последнего. А те, кто нападал? Ты не догадываешься, что их привлекло? Огромные богатства, которые могли убедить меня в чем-то, — это лакомый кусок. Твой любовник, пытаясь помешать тебе вернуться в столицу, растратил состояние, чтобы оторваться от охраны, которую приставил к тебе мой сын, и тем самым накликать беду. А потом он переложил всю вину на Линь-эра. Когда мой сын был при смерти, я искал тебя по всему свету, но ты не объявился. Я думал, ты мертв. А теперь, когда его похоронили, ты явился с фальшивым горем. Думаешь, я тебя отпущу?

Мой сын был добр, он не хотел причинять тебе боли, но я — нет. Я ненавижу убийцу моего сына, но не могу убить тебя, ведь я обещал ему этого не делать. Однако я не позволю, чтобы его чувства были растоптаны такими неблагодарными тварями, как ты и твой любовник. Я хочу, чтобы ты знал: твоя печаль не стоит и миллионной доли того, что вынес он. Я отпущу тебя, когда выйдешь из этого храма, но сначала я сломаю тебе ноги, чтобы ты не мог и шагу ступить. А его мавзолей я построю на вершине самой высокой горы, чтобы ты до конца своих дней не смог подойти к его могиле. Я хочу, чтобы ты раскаивался всю жизнь! Стражу! Увести его и сломать ему ноги!

Пока император говорил, Чи Цюнянь молча стоял на коленях перед гробом. Лишь когда старик закончил, он поднял голову. Его глаза были залиты кровью.

— Старый император, ты добился своего. Я буду раскаиваться всю жизнь. Но ты думаешь, что, свалив всю вину на меня, ты чист? Если бы не ты, если бы не твоя вера в бредни даоса, если бы не этот навязанный трон, если бы ты не разлучил нас — разве все стало бы так? Почему брат Линь Сю погиб? Если я виновен в его смерти, то и ты тоже! Ты ведь так любишь свою страну, свой народ и свою власть? Что ж, я разрушу всё это! Я поклянусь: если ты не убьешь меня сегодня, я сделаю всё, чтобы ты сгинул в бездне. И я клянусь: даже если мне придется ползти, я доберусь до его могилы, вырою его кости и спрошу, почему он ничего мне не сказал! Почему ты ничего мне не сказал!

Почему ты ничего мне не сказал!

Последние слова Чи Цюнянь выкрикнул, глядя на гроб, прямо в сторону Линь Сю. В этом взгляде читалась такая решимость, что Линь Сю вздрогнул, почти поверив, что его видят. Лишь заметив рядом гроб, он успокоился.

— Дерзость! — император, вне себя от ярости, задрожал, указывая пальцем на Чи Цюняня. — Бейте его! Бейте до смерти!

Линь Сю вскинул голову и увидел, что на губах Чи Цюняня, которого волокли прочь, играет странная, пугающая улыбка.

Мир вокруг замер. Линь Сю подошел к Чи Цюняню, склонился, пытаясь убрать с его лица растрепанные волосы, но рука прошла сквозь них. Человек был прямо перед ним, но коснуться его было невозможно.

Глядя на руку, вновь проходящую сквозь тело любимого, Линь Сю перестал пытаться. Он просто широко раскинул руки, словно обнимая его, и прошептал:

— Нянь-эр, как я могу позволить тебе так умереть?

Как только он произнес это, застывшая картина ожила. Линь Сю опустился на одно колено, глядя, как Чи Цюняня уносят из зала.

Вскоре снаружи слышались крики, и в зал вбежал евнух, дрожа от страха:

— Беда, Ваше Величество! Похитители унесли господина Чи!

— В погоню! Вернуть его мне живым или мертвым!

Когда евнух ушел, император бросил последний взгляд на поминальную табличку Фань Сюлиня и, тяжело вздохнув, вышел следом.

Смерть нового императора была слишком внезапной, мавзолеей еще не был построен. Пока шло строительство, Линь Сю оставался в храме. Старый император, вынужденный снова взять управление страной в свои руки, был слишком занят, чтобы навещать могилу сына.

Дни сменялись ночами, времена года шли своим чередом. Линь Сю окончательно остался один. Он хотел уйти, но каждый раз, пытаясь вырваться из сна, чувствовал себя пойманным в паутину. В конце концов он перестал сопротивляться и начал практиковать техники очищения души, которые когда-то изучил у Шу Цзю. Со временем он научился касаться предметов.

Линь Сю не знал, сколько времени провел в храме. Когда он снова увидел свет, он парил в воздухе, следуя за огромной похоронной процессией, направлявшейся к горе Цишань.

Император сдержал слово: мавзолеев построили на вершине горы. Линь Сю, будучи духом, легко преодолел путь, а вот процессии пришлось нелегко. Несколько раз люди едва не срывались с обрывов на крутых тропах, и только благодаря незримой помощи Линь Сю они оставались в живых.

Неизвестно, из-за этого ли, но люди начали относиться к его гробу с особым почтением. Самое забавное было то, что спасенные им люди в пути рассказывали легенды о чудесах, превознося Линь Сю как божество. Линь Сю, слушая это, каждый раз давился от смеха, жаль только, что никто не мог разделить его веселье.

В конце концов, люди начали оставлять у гроба вино и сухой паек в надежде на удачу в любви или покровительство для потомков. Линь Сю чувствовал себя неловко и постоянно хотел вздохнуть: Братцы, я же не горный дух!

Но процессия рассеялась. После погребения рабочие спустились с горы, и Линь Сю остался один, сидя на каменном страже у входа в гробницу.

Сначала он надеялся найти в горах хоть каких-то духов, чтобы поговорить, но с грустью обнаружил, что на вершине Цишань, кроме него, никого нет. Всё, что оставалось — сидеть на каменном изваянии, смотреть, как распускаются и увядают цветы, как плывут облака.

Возвращаться в гробницу он не хотел — там было темно, даже несмотря на ночные жемчужины, которые император приказал вставить в стены. Линь Сю знал, что как дух видит всё даже в кромешной тьме, но он тосковал по солнечному свету. Поэтому он поселился на каменной статуе, медитируя при луне и слушая пение птиц под солнцем.

Однажды на рассвете, когда Линь Сю наблюдал за восходом солнца над морем облаков, на его территорию ступил человек.

Линь Сю обернулся и увидел фигуру в белой лисьей шубе. Человек подошел к надгробию и коснулся его, прошептав низким, дрожащим голосом:

— Брат Линь Сю, я пришел.

Чи Цюнянь, казалось, отлично знал устройство гробницы и быстро нашел механизм, открывающий проход. Линь Сю знал, что его не видят, но всё равно следовал по пятам, желая коснуться головы любимого, но в последний момент отдернул руку.

Войдя в склеп, Чи Цюнянь быстро нашел гроб и, поцеловав крышку, с усилием сдвинул её. Тяжелая древесина поддавалась, обнажая белые кости.

Одежда на них давно истлела, но Чи Цюнянь не обратил на это внимания. Он начал медленно обводить контуры скелета длинными пальцами, словно перед ним был живой человек. Тепло его пальцев, проходя сквозь кости, достигло лица Линь Сю. Это было первое прикосновение к

коже за долгие годы, настолько прекрасное, что хотелось плакать.

— Брат Линь Сю, прости, что я опоздал и оставил тебя одного в этой тьме. Сначала я ненавидел тебя за ложь, за то, что ты отпустил мою руку, за твою смерть. Я хотел разрушить империю, сжечь всё дотла. Но в конце концов понял, что больше всего ненавижу себя за то, что всегда считал себя жертвой. Старый император был прав — я был слишком самонадеян. Ты ведь с самого детства защищал меня, а я вел себя как ребенок. Должно быть, я доставил тебе немало хлопот.

Когда я узнал правду, я был в отчаянии. Я хотел умереть, поэтому провоцировал императора, чтобы он казнил меня, и я мог бы спросить тебя в загробном мире, почему ты оставил меня одного. Но я выжил — меня спасли твои верные люди.

Чи Цюнянь заплакал, и горячая слеза упала на кости. Линь Сю почувствовал горечь на губах.

— После этого я несколько раз пытался покончить с собой, но не смог. Видимо, небеса не хотели моей смерти. Я искал тебя, но император сделал всё, чтобы я не нашел твоё тело. Я не сдавался. Я снова пришел к нему и спросил, где твоя могила. Он ответил: когда страна будет в мире, а враги повержены.

Чи Цюнянь склонился и поцеловал белые кости. Кровь из его губ окрасила их в алый цвет. Линь Сю коснулся своих губ — они были в крови. Чи Цюнянь принял яд.

— Мир и покой — этого не достигал ни один император за тысячи лет. Все считали это невозможным, но я должен был сделать это. Это была моя последняя надежда. Я пошел в армию. Я убивал, чтобы остановить убийства. Я провел там двадцать лет, пока враги не склонились перед нами. Вернувшись в столицу, я нашел императора. Он был при смерти и, увидев меня, наконец сказал, где ты. По пути сюда меня преследовали, я знал, что не вернусь живым. Они заложили взрывчатку вокруг гробницы. Я даже рад, потому что теперь никто не сможет нас разлучить.

Чи Цюнянь усмехнулся:

— Брат Линь Сю, ты не будешь смеяться надо мной? Когда ты ушел, тебе не было и тридцати, а я уже старик. Перед приходом я нашел лекаря, чтобы выглядеть моложе, но посмотри... — он указал на морщинки у глаз. — Как ни старайся, их не скрыть.

Линь Сю коснулся его лица, ожидая, что рука снова пройдет сквозь пустоту, но на этот раз он почувствовал тепло живой кожи.

Чи Цюнянь широко раскрыл глаза и облегченно улыбнулся:

— Смотри, у меня уже галлюцинации. Как бы я хотел, чтобы они длились подольше. Я почти забыл, как ты выглядишь... Как же хорошо.

Он хотел коснуться лица Линь Сю, но замер, боясь разрушить видение. Линь Сю крепко взял его за руку и прижал к своей щеке:

— Нянь-эр, не сердись, что я такой холодный.

Чи Цюнянь замер, а потом разрыдался, обнимая Линь Сю:

— Нянь-эр никогда не будет сердиться на брата Линь Сю. Надеюсь, ты не будешь сердиться на меня за то, что я постарел.

— Ты не старый. Нянь-эр всегда самый красивый.

Чи Цюнянь отстранился и засмеялся:

— Тогда, брат Линь Сю, можешь обнять меня и положить в гроб? У меня больше нет сил стоять.

С этими словами он выплюнул полный рот крови, окрасив белую шубу.

— Хорошо, — Линь Сю поднял его и опустил в гроб.

Укладываясь рядом, Линь Сю посмотрел на Чи Цюняня, который смотрел на него сияющими глазами:

— Нянь-эр, ты боишься темноты?

— Нет. С братом Линь Сю я ничего не боюсь.

Линь Сю поцеловал его в губы и взмахом рукава закрыл крышку гроба. В грохоте взрыва и реве пламени Линь Сю услышал вопрос:

— Брат Линь Сю, мы теперь всегда будем вместе?

Он не ответил — не успел. Вершина горы превратилась в пепел.

Линь Сю открыл глаза. Было еще темно, Чи Цюнянь спал, нахмурившись. Линь Сю потянулся, чтобы разгладить его брови, но в тот же миг его запястье перехватили.

— Нянь-эр? М-м! — Линь Сю не успел ничего спросить, как оказался прижат к постели. Поцелуи осыпали его лоб, щеки и, наконец, губы.

Чи Цюнянь замер, глядя прямо в глаза. Линь Сю чувствовал, как он дрожит. В памяти всплыли

слова императора: пророчество о том, что Линь Сю погибнет от его руки.

Ты всё ещё боишься, Нянь-эр?

Линь Сю вздохнул, приподнялся и сам ответил на поцелуй.

На следующее утро, когда солнце уже высоко поднялось, Линь Сю потирал ноющую поясницу, не желая вставать.

— Сяо Ци, что происходит? Почему Чи Цюнянь переродился?

<http://bllate.org/book/21667/2235533>